

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ SOCIAL STUDIES

Оригинальная статья/ Original article

Субъективное благополучие в пространственном измерении

© Н.В. ГОФФЕ

Гоффе Нина Владимировна, Научно-исследовательский институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), nina-goffe@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6740-7954

Статья посвящена важной и практически не исследованной в отечественной литературе проблеме – деревенско-городскому парадоксу счастья. Этот парадокс характерен для развитых стран и проявляется в более высокой удовлетворенности жизнью сельских жителей по сравнению с горожанами. Актуальность темы обусловлена динамикой урбанизации и быстрым по историческим меркам превращением человеческой цивилизации преимущественно в городскую. Задача работы – на основе анализа статистических данных, а также зарубежных источников, впервые введенных в отечественные исследования, во-первых, показать методические трудности при попытках зафиксировать данный парадокс; во-вторых, выделить основные подходы к решению этой проблемы. Утверждается, что с ростом издержек, связанных с жизнью в городах, проявления деревенско-городского парадокса счастья могут усилиться, и перед нашей цивилизацией встанут фундаментальные проблемы: какая судьба ожидает города, какова оптимальная пространственная организация расселения человеческих сообществ.

Ключевые слова: деревенско-городской парадокс счастья, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, счастье, урбанизация, город, неравенство, парадокс Истерлина.

Цитирование: Гоффе Н.В. (2023) Субъективное благополучие в пространственном измерении // Общественные науки и современность. № 6. С. 75–86. DOI: 10.31857/S0869049923060060, EDN: MRGLOH.

Spatial Dimension of Subjective Well-Being

© N. GOFFE

Nina V. Goffe, Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), nina-goffe@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6740-7954

Abstract. The rural-urban paradox of happiness is examined that, in developed countries, manifests itself in higher life satisfaction of rural residents compared to urban residents. This topic has become increasingly important due to the dynamics of urbanization and the overwhelming majority of the global population settling in urban areas. Based on the analysis of statistical data and foreign literature, the aim of the study is to highlight the issues associated with defining the paradox and analyze various approaches to this topic. As the cost of living in urban areas rises, the paradox might become more pronounced, and the territorial differentiation of subjective well-being is likely to increase. In this scenario, human civilization will face fundamental challenges relating to the future of cities and the spatial distribution of the global population.

Keywords: rural-urban paradox of happiness, subjective well-being, life satisfaction, happiness, urbanization, city, inequality, Easterlin Paradox.

Citation: Goffe N. (2023) Spatial Dimension of Subjective Well-Being. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 75–86. DOI: 10.31857/S0869049923060060, EDN: MRGLOH.

Интерес к субъективному благополучию давно вышел за пределы академических кругов. В последние десятилетия эта проблема привлекает все большее внимание публицистов, политиков и общественных деятелей. Правительства многих стран и международные организации (например, ОЭСР) рассматривают субъективное благополучие как один из важнейших показателей социально-психологического самочувствия людей. Однако общеупотребимость данного понятия и кажущаяся очевидность обозначаемого им явления маскируют серьезные трудности при попытках дать ему научное определение [Гoffe, Монусова 2020].

Согласно самой распространенной дефиниции, предложенной 40 лет назад американским психологом Э. Динером, субъективное благополучие – это когнитивная и эмоциональная оценка человеком различных аспектов и событий его жизни [Diener 1984]. Указанная трактовка, хотя и стала весьма популярной, неоднозначности в толковании данного термина не сняла. Для одних исследователей оно тождественно счастью, для других – удовлетворенности жизнью, для третьих – психическому здоровью. Не вступая в дискуссию о правомерности той или иной интерпретации и рискуя в определенной мере упростить проблему, в данной статье будут употреблены термины «субъективное благополучие», «удовлетворенность жизнью», «счастье» как взаимозаменяемые.

Одно из важных направлений анализа субъективного благополучия – изучение его географических детерминант [Burger 2020]. Мотивы обращения к названной проблематике очевидны. Понимание того, кто мы есть и где мы находимся, входит в число фундаментальных основ нашего физического и ментального бытия. Учет географических факторов открывает новые возможности для интерпретации окружающей нас действительности. Он не только расширяет границы постижения закономерностей и процессов в рамках уже существующих отраслей знания, таких как история, демография, социология, антропология и т. д. На его основе оформились перспективные направления исследований, напри-

мер, поведенческая география (*behavioral geography*) или пространственная экономика (*spatial economics*).

Территориальная дифференциация в субъективном благополучии и счастье проявляется на самых разных уровнях – от глобального до локального. В центре нашего внимания – выявляемая опросами более высокая удовлетворенность жизнью селян по сравнению с горожанами в развитых странах, несмотря на то, что город привлекает людей большими материальными и иными возможностями. В зарубежной академической литературе этот диссонанс называют и городским, и деревенским, и деревенско-городским парадоксом счастья [Sørensen 2014]¹. Последней дефиниции мы и будем придерживаться как более содержательной.

Уже сегодня более половины человечества проживает в городах. Самые крупные из них превратились в лидеров и движущую силу экономического развития. В то же время их успешность и конкурентоспособность в немалой степени зависят от того, насколько горожане удовлетворены качеством жизни. Более счастливые, устойчиво испытывающие положительные эмоции люди вносят больший вклад в процветание общества. Поэтому субъективное благополучие становится одним из главных ориентиров политики муниципальных (и не только) органов власти. Отсюда интерес, который проявляет современная наука к исследованию данной проблематики.

Немаловажно также, что проблема роли территориальных различий в субъективном благополучии представляет интерес с точки зрения понимания социальных дисбалансов, характерных для современного общества. С особой остротой они выражены в городах, любой из которых и в наши дни делится, по известному выражению Платона, на город богатых и город бедных. Наряду с широкими возможностями, жизнь в городах предполагает неравенство, социальные конфликты и плохие бытовые условия.

Изучение пространственных различий в субъективном благополучии ставит перед исследователем множество сложных вопросов, ответить на которые в рамках небольшой статьи не представляется возможным. Соответственно, в качестве первого шага в разработке рассматриваемой темы следует выяснить, что собой представляет территориальная дифференциация субъективного благополучия, а также разобраться в ее причинах.

Кто счастливее: город или деревня?

Урбанизация – один из самых мощных драйверов экономического роста, повышения уровня и качества жизни людей. Многочисленные исследования свидетельствуют о положительной связи между личным благосостоянием и довольством жизнью. Кроме того, деревенско-городской парадокс счастья никак не соотносится со статистикой, подтверждающей устойчивый приток населения в города, особенно мегаполисы.

Казалось бы, есть все основания полагать, что урбанизация делает жителей Земли в целом более счастливыми. Если верить результатам опросов Института Гэллага, так оно и есть: в глобальном масштабе в городах выше процент счастливых людей, чем в деревнях². В 2017–2019 гг. в бедных странах доля респондентов, оценивших свою жизнь по десятибалльной шкале на восемь баллов и выше, в сельской местности составила 14%, в неболь-

¹ Проблематика, которой посвящена данная статья, не вошла в центр исследований, проведенных в России. Авторы затрагивают ее лишь отчасти в связи с факторами, влияющими на удовлетворенность жизнью и счастье россиян [Родионова 2013, Тихонова 2015, Шабунова, Морев 2013, Шматова, Морев 2015].

² Dijkstra et al. (2020) The Degree of Urbanisation's Effect on Happiness // Gallup blog. 10.07. 2020 (<https://news.gallup.com/opinion/gallup/315857/degree-urbanisation-effect-happiness.aspx>).

ших городах (town) и районах с низкой плотностью населения – 16%, в больших городах (city) – 17%. В богатых странах показатели достигали 24, 26 и 28% соответственно.

В чем же причина расхождений этих результатов со страновыми и региональными наблюдениями, фиксирующими деревенско-городской парадокс счастья в развитых странах? Здесь масштаб тоже имеет значение. Глобальные исследования (такие как Gallup World Poll или World Values Survey) проводят на больших выборках, охватывающих десятки развитых и развивающихся государств, в то время как страновые служат своего рода увеличительным стеклом, которое позволяет получить более высокую степень «четкости изображения» наблюдаемых процессов. Кроме того, исследователи Института Гэллапа относят место жительства респондентов к тому или иному типу, полагаясь на ответы опрашиваемых. Поэтому речь идет не о реальном распределении граждан по типам административных единиц на основе единого глобального метода классификации, одобренного Статистической комиссией ООН³, а о предполагаемом уровне урбанизации (perceived level of urbanisation)⁴.

Несмотря на наличие единого метода классификации, границы городов в разных странах определяют на основе разных критериев – административных, количественных (плотность застройки или заселения), функциональных (functional urban area, FUA)⁵. Если речь идет о численности жителей, то ее пороговые значения могут отличаться на несколько порядков. К примеру, они варьируются от двух сотен человек в Северной Европе⁶ до 50 тыс. в Японии и 100 тыс. в Китае⁷. То, какой масштаб положен в основу классификации, может иметь большое значение для интерпретации итогов упомянутых выше исследований.

На результатах опросов не мог не отразиться тот факт, что в исследовании Института Гэллапа в категорию «большой город» (city) включены административные единицы с населением 50 тыс. человек и более, то есть небольшие и средние городские агломерации объединены с крупными и очень крупными – мегаполисами. Однако в богатых странах более низкий, чем на остальной территории, уровень субъективного благополучия фиксируется именно в мегаполисах.

Задачу добиться максимальной международной сопоставимости результатов, избежав при этом влияния специфических дефиниций различных категорий населенных пунктов, поставили перед собой авторы работы, опубликованной под эгидой ОЭСР⁸. С этой целью они совместили данные по различным типам поселений (предлагаемым ООН) с микро-данными глобального опроса Института Гэллапа на основе информации о местонахождении респондентов. Также они использовали рекомендованное ООН, Еврокомиссией и ОЭСР определение мегаполиса как функциональной городской зоны (FUA). Авторы под-

³ По уровню урбанизации местные административные единицы (LAU) делятся на города, поселки и пригороды или сельские районы. UN Statistical Commission (2020). A recommendation on the method to delineate cities, urban and rural areas for international statistical comparisons (<https://unstats.un.org/unsd/statcom/51st-session/documents/BG-Item3j-Recommendation-E.pdf>).

⁴ Dijkstra L., Papadimitriou E. (2020) Annex: Using a New Global Urban-Rural Definition, Called the Degree of Urbanisation, to Assess Happiness // In: World Happiness Report 2020. Pp. 147–152.

⁵ FUA состоит из города и его пригородной зоны, рынок труда которой сильно интегрирован в городской.

⁶ Например, Финляндия определяет городской район как населенный пункт численностью не менее 200 жителей, где расстояние между жилыми зданиями составляет не более 200 метров. Statistics Finland (https://www.stat.fi/meta/kas/taajama_en.html).

⁷ UN Statistical Commission (2020). Op.cit.

⁸ Tassinari F. et al. (2023) Life satisfaction along the urban-rural continuum. A global assessment. OECD Regional Development Papers №. 44. OECD, Paris. 24 p.

черкивают, что их исследование имеет глобальный характер, что отличает его от работ, которые касаются одной или ограниченного количества стран.

Основной вывод исследования: в планетарном масштабе удовлетворенность жизнью у горожан выше, чем у сельских жителей. Разница в коэффициентах статистически значима, хотя и мала. Более того, она практически исчезает в странах с высоким уровнем дохода. Здесь показатели субъективного благополучия в деревнях приближаются к уровню городов или даже превышают его.

В бедных странах ситуация диаметрально противоположная. Причина в том, что в них уровень и качество жизни за пределами городских агломераций зачастую чрезвычайно низки. (Сотрудники японского Университета Кюсю установили, что даже жители трущоб большого Мумбая в среднем ощущают себя более счастливыми, чем жители индийских деревень [Coulibaly, Managi 2022]). Несмотря на то, что в крупных городах в развивающихся странах возникают те же проблемы, что и в богатых (плохое состояние окружающей среды, перенаселенность, транспортные пробки, преступность и т. д.), негатив не перевешивает позитива, связанного с лучшими возможностями трудоустройства и более высокими доходами.

В сущности, похожую закономерность можно наблюдать и внутри регионов, относящихся к развитому миру. По данным *ESS* (European Social Survey) 2018 г., для европейских старокапиталистических стран в целом характерно статистически значимое превышение уровня удовлетворенности жизнью в малых городах и сельской местности над большими городами. Однако в более бедных постсоциалистических государствах ситуация прямо противоположная – уровень удовлетворенности жизнью выше в крупных городских агломерациях (табл.).

Таблица

Место проживания и уровень удовлетворенности жизнью в европейских странах, 2018 г.
(0 – совершенно не удовлетворен, 10 – полностью удовлетворен)

Table

Place of residence and level of life satisfaction in European countries, 2018
(0 – completely dissatisfied, 10 – completely satisfied)

Место проживания	Страны	
	постсоциалистические	старокапиталистические
Крупный город	6,5	7,4
Малый город	6,4	7,4
Сельская местность	6,3	7,6
Количество наблюдений	9623	22071

Примечание: жирным шрифтом выделены показатели, имеющие статистически значимые различия; место проживания определялось исходя из ответов респондента.

Источник: The European Social Survey 2018.

Source: The European Social Survey 2018.

Однако более детализированное исследование с применением регрессионного анализа и использованием определения агломерации на основе *FUA* показало, что это разделение не столь явно выражено. Аналитик из университета Виктории в Веллингтоне Ф. Моррисон разделил государства, охваченные опросом *ESS* 2018, на две группы: с более низким и более высоким уровнем удовлетворенности жизнью в крупных городах [Morrison 2021]. Группы оказались неоднородными по составу. В первую вместе со старокапиталистиче-

скими странами попали Черногория, Словакия и Чехия. Во вторую наряду с постсоциалистическими – Португалия и Франция.

Тем не менее за редкими исключениями деревенско-городской парадокс счастья – характерная черта богатых государств Северной и Западной Европы, Северной Америки, а также Австралии и Новой Зеландии. В целом в развитых странах, где уровень жизни высок практически везде, недостатки очень больших городов перевешивают их достоинства. Жители мегаполисов, население которых превышает 5 млн, менее счастливы по сравнению с теми, кто живет в небольших населенных пунктах⁹.

Общая картина, впрочем, складывается из весьма разнообразных фрагментов. Приведем несколько примеров. Канадское исследование показало, что средняя плотность населения в 20% общин с самым низким уровнем счастья была в восемь раз выше, чем в 20% самых счастливых [Helliwell et al. 2018]. Опросы в Новой Зеландии свидетельствуют о том, что рост крупнейших и наиболее плотно населенных городов влечет за собой относительное снижение субъективного благополучия [Morrison 2011]. В свою очередь в Норвегии результаты замеров говорят о том, что удовлетворенность жизнью жителей Осло, как правило, не отличается от средних по стране показателей [Carlsen, Leknes 2022].

Наиболее ярко деревенско-городской парадокс счастья проявляется в Соединенных Штатах. Британский социальный философ и политолог Б. Бэрри и американский исследователь А. Окулич-Козарин, на основании результатов, полученных в ходе Общего социального обследования (General Social Survey) в 1972–2008 гг., показали, что в США субъективное благополучие (счастье) меняется от самого низкого уровня в крупных центральных городах до самого высокого в небольших населенных пунктах и в сельской местности [Berry, Okulicz-Kozaryn 2011].

Можно заключить, что объем и состав выборки, различия в подходах к определению понятия «город» (иногда за основу анализа берут муниципалитеты), по-разному сформулированные вопросы, различия в задачах исследований и методах обработки данных обуславливают значительное расхождение результатов.

В целом сходясь во мнении относительно наличия деревенско-городского парадокса счастья в развитых странах, исследователи по-разному интерпретируют его причины. Ниже коротко остановимся на самых распространенных толкованиях этого парадокса.

В чем причина деревенско-городского парадокса счастья?

В академической литературе отсутствует однозначный ответ на поставленный вопрос. Некоторые исследователи объясняют деревенско-городской парадокс счастья в развитых странах, опираясь на теорию урбанизации. Согласно ей, переход от аграрного общества к индустриальному, сопутствующий ему быстрый рост городов, ориентированных на массовое производство и развитие сферы услуг стимулировали массовую миграцию из сельской местности в промышленные центры, где создавались новые источники занятости и получения дохода. До определенного момента это гарантировало и более высокий по сравнению с сельскими районами уровень удовлетворенности жизнью. Так продолжалось, пока материальные и нематериальные преимущества жизни в городах намного превышали плюсы деревенского образа жизни. Однако со временем уровень субъективного благополучия обитателей больших городских агломераций начал снижаться. Мегаполисы остаются двигателем роста развитых экономик, но для многих неблагоприятные особенности городской жизни уже перевешивают положительные [Burger 2020].

⁹ Tassinari et al. Op. cit.

Город и деревня существенно различаются с точки зрения образа жизни, идентичности, ценностей, социокультурных моделей поведения, способов получения дохода. В процессе индустриализации и урбанизации на смену аграрному патриархальному традиционному обществу приходит городское промышленное. Прочные неформальные связи между людьми присущи сельским районам, в то время как в городах преобладает индивидуализм, отношения между людьми формальны, связи слабы. Это существенно сказывается на одной из важнейших составляющих субъективного благополучия – социальном капитале, под которым в данном случае понимается прочность семейных, дружеских, соседских, общинных и религиозных связей. Благодаря богатому социальному капиталу, которым располагают жители села, здесь фиксируют более высокий уровень счастья.

Кроме того, в последние десятилетия в деревнях растут качество жизни и степень удовлетворенности ею. Немаловажную роль в этом сыграло улучшение транспортной инфраструктуры. Однако строительство дорог и увеличение количества автомобилей, упрощая проезд из сельской местности или с окраин городов к месту работы, порождает и серьезные проблемы. Впрочем, долгое стояние в городских пробках тоже не повышает уровня счастья. Более важный фактор – появление технологий, которые позволяют не привязывать место жительства к месту работы, ослабляют зависимость сельских жителей от физического доступа к тем услугам (например, банковским), которые прежде можно было получить только в городах. По мере улучшения качества связи возрастает доля населения земного шара, которая обращается к Интернету. Недавние исследования показали, что возможность использовать Всемирную сеть, а также сопутствующие инновации (например, платформы социальных сетей) стала наиболее эффективным фактором цифровизации, положительно влияющим на удовлетворенность жизнью в Европе [Elmassah, Hassanein 2022]. В развитых странах разрыв в широкополосном покрытии между сельскими районами, малыми и крупными городами неуклонно сокращается. Одновременно увеличивается численность людей самых разных профессий и возрастов (не только пожилых), кто отдает предпочтение спокойной жизни в деревнях и малых городах с невысокой плотностью населения. Ведь обитатели небольших городов и сел, входящих в крупные агломерации, имеют возможность пользоваться предоставляемыми мегаполисами благами, не ощущая на себе отрицательных сторон жизни в них. Однако хотя положительные пространственные эффекты крупных городов могут распространяться далеко за их пределы, они не безграничны. Так, данные опросов Евробарометра свидетельствуют: чем дальше расположен небольшой город от большего по размеру, тем меньше вероятность того, что его жители будут удовлетворены своей жизнью [Lenzi, Perucca 2021].

На выбор в пользу деревенской жизни, помимо разнообразных прагматических мотивов (соразмерная потребностям человека территория поселений, большее личное пространство, часто более доступное жилье), в немалой степени влияет ее романтическое восприятие, свойственное части обитателей «каменных джунглей». Сельская идиллия на лоне природы, этакий «потерянный рай» становятся не всегда достижимой, однако желанной целью для многих. Опросы Института Гэллапа зафиксировали, что в конце 2020 г. около половины (48%) американцев заявили, что, будь у них возможность выбора, они предпочли бы жить в сельской местности (31%) или небольшом городе (17%), а не в мегаполисе [Saad 2021]. Аналогичные результаты получены и в других странах. Пандемия COVID-19, скорее всего, усилила подобные настроения. Вспышка опасного инфекционного заболевания создала множество рисков и показала неготовность муниципальных властей обеспечить безопасность миллионов людей, живущих в густонаселенных мегаполисах (будь то в богатых или развивающихся странах).

Отмеченные настроения свидетельствует о том, что в наши дни жесткое противопоставление города деревне теряет свою актуальность. Границы между чисто городским или чисто сельским образом жизни размываются. Будет ли счастье данного индивида считаться сельским или городским, во многом зависит от того, где именно он обитает. Тот факт, что нынешнее место жительства человека находится в районе, обозначенном как сельский (городской), не означает автоматически, что он ведет сельский (городской) образ жизни. Деревня, как и город, выходит за свои пределы [Johansen et al. 2023]. По-видимому, в этом случае уровни субъективного благополучия можно расположить на шкале, в крайних точках которой находятся его идеальные типы (по признаку город–село), а в промежутке – многочисленные гибридные типы. Анализ подобного градиента представляет несомненный интерес и требует специального исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Доход и счастье

Мегаполисы – признанные генераторы доходов и богатства. Поэтому, изучая деревенско-городской парадокс счастья, важно принимать во внимание зависимость субъективного благополучия от дохода. Единого мнения на сей счет в научном сообществе нет, несмотря на полувековую дискуссию. Начало ей положили работы известного американского экономиста и демографа Р. Истерлина. Суть его идей сводится к тому, что в краткосрочной перспективе счастье и доход, как правило, растут и падают одновременно. В долгосрочной же перспективе экономический рост сам по себе не приводит к повышению уровня субъективного благополучия. Состоятельные люди в целом счастливее бедных, но по мере того, как общество становится все более богатым, оно не становится более счастливым. Одна из причин заключается в том, что на удовлетворенность жизнью влияет не абсолютная, а относительная величина дохода. Положительное воздействие роста собственного благосостояния на ощущение счастья нивелируется одновременным ростом достатка референтной группы – коллег, знакомых, соседей и т. д. [Easterlin, O'Connor 2020].

Увеличение доходов и богатства в крупных муниципальных образованиях сопровождается ростом дифференциации в их распределении. Объясняя причины этого явления, большинство исследователей сходятся во мнении, что городское неравенство уходит корнями в инновационную экономику, колыбелью которой стали мегаполисы. Как правило, неравенство выше там и тогда, где и когда наблюдается концентрация очень высоких и очень низких доходов. Такое положение дел характерно для сложного городского пространства. С одной стороны, оно привлекает высокообразованных, высококвалифицированных и высокооплачиваемых профессионалов, например, специалистов в области финансовых или высокотехнологичных производственных услуг, с другой – низкоквалифицированных работников, обеспечивающих жизнедеятельность городов, – от уборщиков и персонала розничной торговли до сотрудников гостиничного бизнеса и общепита, как правило, с низкими заработками. Соответственно, экономика современных крупных городов характеризуется поляризацией рынка труда, высокой степенью социального расслоения и крайне неравномерным распределением доходов. При этом один из ключевых факторов, объясняющих неравенство доходов, – величина, масштабы города. Эта взаимосвязь наблюдается как на глобальном уровне, так и в пределах одной страны. Идет ли речь о развитых или развивающихся странах, особенно сильное расслоение доходов наблюдается в ключевых городских агломерациях¹⁰.

¹⁰ Euromonitor International. (2013) The World's Largest Cities Are The Most Unequal (<https://www.euromonitor.com/article/the-worlds-largest-cities-are-the-most-unequal>).

Казалось бы, можно ожидать, что разница в доходах между богатыми и бедными оказывает влияние на показатели счастья в городах. Однако результаты эмпирических исследований противоречивы. В то время как одни из них свидетельствуют, что взаимозависимость неравенства доходов и счастья отрицательная, другие предполагают наличие положительной связи, а третьи вообще не выявляют корреляции этих признаков [Zonghuo Yu, Fei Wang 2017]. Возможно, все зависит от того, насколько высока степень неравенства. При высоких ее показателях люди, как правило, несчастливы, потому что завидуют более богатым согражданам. Когда же неравенство невелико, людям легче подниматься по социальной лестнице, что побуждает их с большей надеждой смотреть в будущее. Однако по мере того, как неравенство в доходах превышает определенную отметку и становится чрезмерным, верхние ступени социальной лестницы оказываются для большинства членов общества практически недостижимыми. В результате люди теряют надежду на карьерный рост, а поскольку зависть становится доминирующим чувством, уровень счастья снижается [Yu, Wang 2017]. Более низкие показатели счастья в больших городах могут объясняться тем, что сегодня все более важную роль в предпочтениях человека играют нематериальные факторы благополучия. В список условий счастья входит все, что так или иначе проецируется на настроение и психологическое состояние человека, все обстоятельства его жизни – от первостепенных до самых незначительных. Сила их влияния непостоянна, она меняется с течением времени. Применительно к доходу это означает, что когда он становится достаточно высоким, на первый план выходят другие факторы, которые представляются индивиду более значимыми, чем материальное благополучие. Анализ опросов Gallup World Poll, проведенный американскими учеными, подтверждает этот вывод. Речь идет о том, что существует некая точка насыщения, при достижении которой высокие доходы перестают быть источником счастья. Более того, когда они поднимаются выше предельного уровня, удовлетворенность жизнью может снижаться [Jebb et al. 2018].

Кроме того, в соответствии с теорией адаптации ко многим обстоятельствам человек привыкает. С ростом достатка ощущение счастья в краткосрочной перспективе может усилиться, но со временем оно обычно возвращается к прежнему уровню. Люди всегда стремятся к большему и никогда не удовлетворены по-настоящему. По мере достижения той или иной цели они обретают новые устремления. Поскольку этот процесс бесконечен, их субъективное благополучие в длительной перспективе не улучшается, независимо от того, чего они достигли. При этом можно предположить, что постоянная гонка за удовлетворением все новых и новых материальных потребностей типична скорее для городов, где, как представляется, денежные и карьерные связи вытесняют человеческие отношения.

Как отмечалось выше, город может предложить своим жителям нечто такое, чего нет в сельской местности. Речь идет не только о перспективах получать высокий доход, но и о полноценной профессиональной реализации. Рынок труда мегаполисов в состоянии абсорбировать работников самых разнообразных, в том числе редких специальностей. Не стоит забывать и о качественных услугах, в том числе в области здравоохранения и образования, а также о широких возможностях непосредственного общения людей, причем не только на работе, но и в неформальной обстановке.

Однако люди не похожи друг на друга и могут по-своему воспринимать плюсы мегаполисов и по-разному приспосабливаться к их минусам. Не только доход, но и уровень образования, тип профессии могут определять способность воспользоваться преимуществами урбанизации (такими, например, как диверсифицированный рынок труда и доступность передовых услуг) и нейтрализовать ее недостатки (стоимость жизни, перенаселенность, стресс, неудовлетворительное состояние окружающей среды или транспортные про-

блемы). В целом, однако, уровень образования оказывает противоречивое влияние на субъективное благополучие. С одной стороны, люди с высшим образованием не только располагают большими профессиональными возможностями, но и занимаются более сложной, стимулирующей и приносящей удовлетворение работой. С другой – именно они чаще заявляют о большей неудовлетворенности жизнью, чем представители менее образованных групп [Florida et al. 2013]. По-видимому, высшее образование задает такой уровень устремлений и целей, достичь которого очень сложно, что в свою очередь вызывает стресс и снижает показатели счастья.

* * *

Исследователь, изучающий влияние территориальных различий на субъективное благополучие, вступает на зыбкую почву. Основные понятия (собственно субъективное благополучие, счастье, город), связанные с этой тематикой, не имеют общепринятых толкований. И если ученым удалось достичь консенсуса по поводу наличия деревенско-городского парадокса счастья, то они расходятся в трактовке его причин.

Общая картина сложна и изменчива. Долгое время порождаемые научно-техническим прогрессом новшества определяли притягательность городов, обеспечивая в них более высокую по сравнению с сельскими поселениями удовлетворенность жизнью. Сегодня сосредоточенная в городах инновационная экономика требует от человека большей отдачи, ставит перед ним амбициозные цели, обеспечивая высокие доходы и одновременно увеличивая нагрузку, ухудшая его психологическое, а иногда и физиологическое состояние. Отрицательные черты жизни в мегаполисах, таким образом, становятся продолжением ее достоинств. Вместе с тем нынешние технологические достижения позволяют людям жить там, где они считают для себя более удобным и предпочтительным.

Город открывает перед человеком широкий спектр возможностей. Вопрос в цене, которую приходится за них платить. Соотношение плюсов и минусов городской жизни подвижно. По-видимому, итоговый баланс (а значит, и субъективное благополучие индивида) в каждый данный момент зависит от того, перевешивают ли положительные стороны городской жизни связанные с ней достаточно высокие издержки.

Городская аномалия счастья – один из характерных парадоксов нашего времени. Долгое время опыт урбанизации убедительно свидетельствовал, что горожане счастливее сельских жителей. Однако в какой-то момент – где-то раньше, где-то позже, но в среднем с последней трети XX в., а затем в связи с появлением цифровой экономики – минусы городской жизни в развитых странах стали перевешивать ее плюсы. В дальнейшем эта тенденция может усилиться, и в территориальном распределении субъективного благополучия произойдут еще более серьезные сдвиги. Если это случится, то перед нами встанут фундаментальные проблемы: какая судьба ожидает города и как в этом случае будет пространственно организована жизнь человеческих сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гоффе Н.В., Монусова Г.А. (2020) Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах. М: ИМЭМО. 166 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0580-2
- Goffe N., Monusova G. (2020) *Vospriyatie social'nyh realij i sub'ektivnoe blagopoluchie v razvityh stranah* [Perception of social realities and subjective well-being in developed countries]. Moscow, IMEMO RAN. 166 p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0580-2 (In Russ.)
- Родионова Л.А. (2013) Счастлив ли русский человек? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 13. № 3(1). С. 254–261.
- Rodionova L.A. (2013) Schastliv li russkij chelovek? [Is Russian Man Happy?] *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, vol. 13, no. 3(1), pp. 254–261 (In Russ.)
- Тихонова Н.Е. (2015). Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. № 3. С. 19–33.
- Tikhonova N. (2015) Udovletvorennost' rossiyan zhizn'yu: dinamika i factory [Russians' life satisfaction: dynamics and factors]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 19–33 (In Russ.)
- Шабунова А.А., Морев М.В. (2013). Представления вологжан о счастье // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1(25). С. 137–150.
- Shabunova A.A., Morev M.V. (2013) Predstavleniya vologzhan o schast'e [Vologda residents' notions of happiness] *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, no. 1(25), pp. 137–150 (In Russ.).
- Шматова Ю.Е., Морев М.В. (2015) Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3 (39). С. 141–162. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11
- Shmatova Yu.E., Morev M.V. (2015) Izmerenie urovnya schast'ya: literaturnyj obzor rossijskih i zarubezhnyh issledovanij [Assessing the Level of Happiness: a Review of Russian and Foreign Research]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. Sledovaniy*, no. 3 (39), pp. 141–162. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11 (In Russ.)
- Berry B., Okulicz-Kozaryn A. (2011) An Urban-Rural Happiness Gradient // *Urban Geography*. Vol. 32. Issue 6. Pp. 871–883. <https://doi.org/10.2747/0272-3638.32.6.871>
- Burger M.J. et al. (2020) Urban-rural happiness differentials across the world // In: *World Happiness Report 2020*. Eds: J. F. Helliwell, R. Layard, J. Sachs, J.-E. De Neve. New York: Sustainable Development Solutions Network. Gallup World Poll. Pp. 67–94.
- Carlsen F., Leknes S. (2022) The paradox of the unhappy, growing city: Reconciling evidence // *Cities*, vol. 126. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103648>
- Coulibaly T.Y., Managi S. (2022) Populations in slums are happier than rural populations: The case of Mumbai // *Land Use Policy*, vol. 122, no. 11. 106341. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2022.106341>
- Diener E. (1984) Subjective Well-being // *Psychological Bulletin*. Vol. 95. Issue 3. Pp. 542–575.
- Easterlin R.A., O'Connor K.J. (2020) The Easterlin Paradox // *IZA Discussion Paper Series No. 13923*.
- Elmassah S., Hassanein E. A. (2022) Digitalization and Subjective Wellbeing in Europe // *Digital Policy, Regulation and Governance*. Vol. 24. Pp. 52–73. DOI:10.1108/DPRG-05-2021-0060
- Florida R. et al. (2013) The Happiness of Cities // *Regional Studies*. Vol. 47. Issue 4. Pp. 613–627. <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.589830>
- Helliwell J. F. et al. (2018) How Happy are your Neighbours? Variation in life Satisfaction among 1200 Canadian Neighbourhoods and Communities // *NBER Working Paper No. 24592*. DOI 10.3386/w24592.
- Jebb A.T. et al. (2018) Happiness, income satiation and turning points around the world // *Nature Human Behavior*. Issue 2. Pp. 33–38. <https://doi.org/10.1038/s41562-017-0277-0>

Johansen P.H. et al. (2023) Introducing rural quality of life // In: Rural quality of life. Eds: P.H. Johansen, A. Tietjen, E.B. Iversen, H.L. Lolle, J.K. Fisker. Manchester. Manchester University Press. 2023. Pp. 4–13.

Lenzi C., Perucca G. (2021) Not too close, not too far: Urbanisation and life satisfaction along the urban hierarchy // *Urban Studies*. Vol. 58. Issue 13. Pp. 2742–2757. <https://doi.org/10.1177/0042098020962397>

Morrison Ph.S. (2011) Local expressions of subjective well-being: The New Zealand experience // *Regional Studies*. Vol. 45. Issue 8. Pp. 1039–1058. DOI:10.1080/00343401003792476

Saad L. (2021) Country Living Enjoys Renewed Appeal in U.S // Gallup Politics (<https://news.gallup.com/poll/328268/country-living-enjoys-renewed-appeal.aspx>)

Sørensen J.F.L. (2014) Rural–Urban Differences in Life Satisfaction: Evidence from the European Union // *Regional Studies*. Vol. 48. Issue 9. Pp. 1451–1466. <https://doi.org/10.1080/00343404.2012.753142>

Yu Z., Wang F. (2017) Income Inequality and Happiness: An Inverted U-Shaped Curve // *Frontiers in Psychology*. Vol. 8. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.02052>

Информация об авторе

Гоффе Нина Владимировна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: nina-goffe@yandex.ru

About the author

Nina V. Goffe, Candidate of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Russia, Moscow, Profsoyuznaya street, 23. E-mail: nina-goffe@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 22.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.09.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023